

УДК 801.318

ПРОБЛЕМА ПОЛИТКОРРЕКТНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОМ ЛИНГВО-РИТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Савватеева Л.В.

ГОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Ростов-на-Дону, Россия (344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162)

В статье рассматривается обращение как средство реализации фатической функции языка, а также аспекты, оказывающие влияние на выбор способа и формы обращения для реализации стратегии политкорректности. Проведен анализ наиболее типичных форм обращения, бытовавших в русском языке, проанализированы формы обращения, принятые в ряде европейских языков. Объектом пристального интереса стали такие широко распространенные на данном этапе развития русского языка гендерно-ориентированные лексемы, как *девушка, женщина, молодой человек, мужчина*. На основе аутентичного русскоязычного материала сделан вывод о том, что на данном этапе развития в русском языке практически не существует политкорректных форм обращения, а выявленные номинации акцентируют идею пола и возраста, что придает им дискриминационный характер. Современный, хорошо образованный и воспитанный человек заполняет данную лакуну этикетными формами извинения. Отсутствие адекватных и общепринятых форм обращения в языке отражает не только состояние языка, но и состояние социума.

Ключевые слова: фатическая функция языка, обращение, гендер, этикетный конструкт, дискриминация, социолингвистика, эффективная коммуникация.

THE PROBLEM OF POLITICALLY CORRECT ADDRESS IN RUSSIAN LINGVO-RETHORIC REALITY

Savvateeva L.V.

Rostov State Civil Engineering University, Rostov-on-Don, Russia (344022, Rostov-on-Don, street Sotzialisticheskaya, 162)

In the article address is being considered as the way of implementation of the language phatic function as well as the aspects conditioning the choice of mode and means of address for implementation politcorrectness ideas. The analysis of the most typical forms of address accepted in Russian language earlier is done. Gender-oriented forms of address such as “*devushka, zhenschina, molodoichelovek, muzhchina*” that are widely-spread in Russian language at its contemporary stage of development became of special interest of the author. The forms of address accepted in some European languages are analyzed. The conclusion about the absence of adequate forms of politically correct address in Russian language at its contemporary condition of development is done. As for the nominations revealed they are of discriminative character as ones stressing the idea of sex and age. Any modern, well-educated and well-bread person fills in this lacuna with etiquette forms of apology. The absence of adequate and widely-spread forms of address reflects not only peculiar condition of the language but and the condition of society itself.

Key words: phatic function of language, address, gender, etiquette construct, discrimination, sociolinguistics, effective communication.

Одной из важнейших функций языка в акте коммуникации обоснованно считается контактоустанавливающая, и существует множество функционально-семантических моделей, центральным компонентом которой является обращение, то есть наименование лица, к которому обращаются с речью. «...В обращении сливаются весь предыдущий личный опыт и его социальная, интерсубъективная интерпретация как некий социально-психологический конструкт» [6].

Обращение как социально-психологический этикетный конструкт неразрывно связано с бытом, политикой и идеологией. Это область, допускающая даже директивное вмешательство власти. Так, после Французской революции специальным декретом Конвента было введено в качестве обязательного обращение *citoyen/citoyenne*. Однако в посттермидорский период оно бесследно исчезло. В странах бывшего социалистического лагеря была сходная система обращений. Даже в румынский язык было заимствовано славянское слово *tovaras*. Русскому слову *товарищ* посвящен специальный раздел в книге А. Вежбицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов». Это слово названо символом «длительной и ужасной эпохи», и именно в этом качестве, по мнению Вежбицкой, оно заслуживает внимания аналитиков. Она подробно останавливается на содержании самого концепта (*товарищ* – человек, близкий к кому-либо по роду деятельности, или человек, связанный с кем-либо общностью взглядов, дружескими отношениями; в случаях различных употреблений слова *товарищ* лежит представление о связи, основанной на одних и тех же жизненных событиях, одинаковом положении в жизни и общей судьбе).

Как пишет М.В. Ласкова [5], в аспекте гендерологии это слово интересно в связи с его семантическим наполнением – возможностью и/или невозможностью обозначать лиц обоего пола и, как следствие, – с особенностями его синтагматики. Слово *товарищ* было одним из самых частотных в советскую эпоху. По данным ЧЗ, оно 6-е среди существительных (после таких базовых слов, как *год, дело, человек, жизнь и день*), его частотность в корпусе из 1 миллиона словоупотреблений – 1162. В словарях указаны от 6 (БАС, МАС) до 3 лексических значений слова *товарищ*.

А. Вежбицкая справедливо отмечает, что нет разумных оснований видеть 6 значений у слова *товарищ*, что различия в случаях «товарищ по университету», «по несчастью» или «по камере» обусловлены контекстом, а не самим словом *товарищ* [2], и считает, что можно говорить о 2 значениях этого слова. Второе значение – политический или идеологический товарищ – родилось из первого. Именно во втором значении это слово считали «гордым» (В.И. Лебедев-Кумач) и всех «объединяющим» (В.В. Маяковский). Ср. также:

В эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью унижений, было брошено простое, светлое слово: товарищ! <...> Когда это словоросло в сознание рабов – они перестали быть рабами...» (М. Горький. Товарищ).

Слово *товарищ* стало символом социального равенства, новой жизни, новых отношений. Поэтому его коррелят *товарка*, отмеченный в СД, оказался на периферии. Его употребление ограничено и стилистически отмечено:

Первое слово попросили произнести старика Плотвичкина...

– Вот некоторые люди, наверное, думают, что дотянуть до золотого юбилея – это раз плюнуть. А я вам так скажу, дорогие товарищи и товарки... (В. Пьецух. Русские анекдоты);

*Выше голову, товарка,
Ты же красный землекоп!*

(Е. Евтушенко. Братская ГЭС).

М.В. Ласкова (там же) обратила внимание на то обстоятельство, что слово *товарищ* могло использоваться для названия женщины не только в советскую эпоху, но даже в XVIII в., ср.:

Я ей (матери) была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себе, когда приду в совершенные леты, буду добрый товарищ во всех случаях... (Своеручные записки княгини Наталии Борисовны Долгоруковой (1767 г.)).

Однако гораздо ярче «двуродовость» этого существительного стала ощущаться с конца XIX в. и особенно после Октябрьской революции. Вообще слово *товарищ* прошло длительный путь развития. В период активизации революционной борьбы в России оно было свойственно партийной этике большевиков. В советское время оно стало самым частотным социальным регулятивом. Это слово нередко относят к существительным общего рода (в словаре даются пометы м. и ж. рода), хотя примеры типа *дорогая товарищ* вряд ли соответствовали системной норме. А.М. Пешковский [8] подчеркивал, что сказать *добрая товарищ* нельзя. Существительное *товарищ* стало общепринятым обращением. По свидетельству ГПРР, в строгом литературном языке нормой было согласование по мужскому роду: *Дорогой товарищ Анна* (из письма Н. Островского к А. Караваевой), но возможно и употребление прилагательного в форме женского рода (особенно в разговорной речи): *Уважаемая товарищ Иванова*.

Ср. ироничное употребление рядом двух обращений, отражающих две разные эпохи в сатирическом тексте: *Позвольте, – говорит, – товарищ мадам, вы грамотная?»* (М. Булгаков. Неделя просвещения).

Унифицированное обращение *товарищ*, сохранившееся до сих пор в армии, утратив первоначальное демократическое звучание, маркировало лишь привлечение внимания, требования, игнорируя пол адресата [5]. Современные пособия по культуре русской речи рекомендуют обращение *товарищи* или в аудитории, где вы считаете присутствующих своими товарищами (в первом значении), или на митинге КПРФ.

Система обращений, которой принято пользоваться в обществе, играет особую роль в утверждении, отражении и сохранении асимметричных отношений между мужчинами и

женщинами, ибо существует множество стереотипов, построенных на асимметрии женского и мужского. Имеются определенные различия, обусловленные половым диморфизмом, в области использования обращений. Так, считается, что «мужские» обращения более разнообразны, в них часто присутствуют какие-либо определенные физические характеристики человека: *blodie, chestie*. Обращение к лицу только по фамилии относят к типично «мужским».

Характерно, что обращения типа *dear, honey, darling* мужчина может получить только от женщины, находящейся с ним в достаточно близких отношениях, в то время как женщина может это слышать в свой адрес практически от каждого. На этом основании делается вывод о том, что в обращениях к женщинам присутствует гораздо больше фамильярности и цинизма, чем в обращениях к мужчинам [7].

В феминистской критике языка отмечается, что распространенным приемом сексизма является указание на женственность с приписыванием ей «инфантилизма, несамостоятельности, потребности в опеке, некоей несамодостаточности: обращения *милые, дорогие наши женщины, любимые наши женщины*; даже на женских конференциях – *милые дамы*, непереносимое указание на то, что *в зале столько красивых женщин*. Остается ожидать гоголевское: *дамы приятные во всех отношениях*» [7].

В современной культуре, так же как и в традиционной, концепт «человек» связывается с представлением о мужчине:

С порога смотрит человек,

не узнавая дома.

Ее отъезд был как побег.

Везде следы разгрома

(Б. Пастернак. Цит. по: [9]).

В европейских языках практически уже исчезли специальные обращения к незамужней женщине: *miss, mademoiselle, Fräulein* и т.п. Их либо вообще не употребляют, либо употребляют к значительно более узкому кругу адресатов, например только к девочкам. К явлениям того же порядка относится зафиксированное словарями широкое распространение нейтрального референциального титула *Ms.*, используемого для обозначения лиц женского пола без указания на их семейное положение и употребляемое симметрично референциальному титулу *Mr.* В Германии с 1980 года принято лишь одно официальное обращение к лицам женского пола – *Frau*. Таким образом, налицо устранение дискриминационной маркировки по матримониальному признаку.

Сложнее обстоит дело с обращениями, называющими должность лица. Ср. наблюдения Т. Толстой в рассказе «Политическая корректность»: «Председатель, заведующий всегда был

chairman. Теперь очень часто завкафедрами в университетах (женщины) совершенно официально называют свою должность *chairwoman*, а если, скажем, нужны выборы заведующего и будущий пол кандидата неизвестен, то годится нейтральный термин *chairperson*. Это создает известную путаницу: некоторые женщины плевать хотели на политическую корректность и хотят продолжать называться *chairman*, других это оскорбляет, и как к ним обращаться, предварительно не выяснив их предпочтений, неизвестно».

Для русского языка не характерны в качестве обращений (без сопроводительных слов типа *товарищ, господин*) наименования руководителей (*директор, декан, завкафедрой*). В современном словаре этикетных норм, составленном А.Г. Балакай, обращение *профессор* квалифицируется как разговорное, полуофициальное и вежливое.

В современном русском языке, как известно, отсутствует общепринятое литературно-нейтральное обращение к незнакомому человеку. К людям молодого возраста обращаются *молодой человек* или *девушка*. А.Г. Балакай находит следующие прагматические оттенки у этих обращений.

Молодой человек – вежливое или официальное обращение значительно старшего по возрасту к незнакомому юноше, молодому мужчине; официально-вежливое, снисходительное, с оттенком упрека или назидания обращение старшего по возрасту, положению к юноше, молодому мужчине.

Обращение *девушка* квалифицируется им как разговорное (обращение к незнакомой девушке, молодой женщине) или просторечное (обращение к продавщице, официантке, приемщице службы быта) [1].

С последним разграничением трудно согласиться: почему обращение *девушка* в случае, если так обращаются к продавщице или официантке, уже оказывается за границами литературного языка и относится к просторечию? На наш взгляд, никакого различия в прагматике и стилистических характеристиках тут нет.

Но если для обращения к молодым по возрасту людям современный язык предлагает какие-то варианты в границах литературного языка (пусть и разговорной его разновидности), то никакого приемлемого обращения к людям старшего поколения нет вообще. Ср.:

А вот мы не знаем, как обращаться к людям незнакомым! «Улица корчилась безъязыкая» и, помучавшись, выход нашла. «Женищина! У вас чулок порвался. Мужчина! Сдачу забыли». Все чаще слышишь эти окрики, и, по-моему, они ужасны, но чем их заменить, чем? (Н. Ильина. Дороги и судьбы).

Обращения *мужчина, женищина* А.Г. Балакай совершенно справедливо относит к просторечным. Обращение *женищина* «звучит чудовищно» [1]. Неприемлемость этих

обращений связана, конечно, с тем, что они акцентируют идею пола, выводят признак пола на первый план. Ср.:

Нынче очень распространено обращение по обобщенному половому признаку: «Мужчина! Вы последний за сахаром?» Вынужден откликаться: «Нет, женщина! За мной еще женщина. Отошла» (Ю. Соколов. Я к вам пишу).

В конце концов пошла мода окликать друг друга по половому признаку, как то: «Вы, женщина, тут не стояли!», «Скажите, мужчина, который час?» (В. Пьецух. Цит. по: Харченко В.Б., 2005).

Ср. также:

- *Мужчина!*

Такой женский крик с отчетливым иностранным акцентом слышу я однажды, гуляя по Переделкину. Сосредоточиваюсь и готовлюсь к решительным действиям. Для чего-то понадобилось мужское участие – то ли от разбойников даму защитить, то ли помочь ей до больницы добраться... Но нет, заезжая американка, изучающая русскую литературу, всего-навсего справляется у меня, как дойти до музея Пастернака. У себя дома она окликнула бы: «Сэр!», а как это сказать по-русски? Мы иногда обращаемся к незнакомцам при помощи слова «извините», но как сигнал оно работает плохо: непонятно, тебя зовут или кого-то другого... <...> А та любознательная американка, находясь в Москве, наверное, вдоволь наслушалась, как люди взывают друг к другу на улице, в транспорте: «Женщина!», «Девушка!», «Мужчина!». Не очень красиво, но взамен пока предложить нечего. (Вл. Новиков. Роман с языком).

Е.А. Жукова [4] называет обращения *мужчина, женщина* «южнороссийскими», хотя, без сомнения, это не региональное, а общероссийское явление.

Интересно, что до революции 1917 года обращение *мужчина* было малоупотребительно (только в обращениях, исходящих от представительниц определенной профессии, ср.: *Если прохожий имел вид человека, не торопящегося по делу, она приближалась к нему и шептала, глядя на крышу соседнего дома: «Мужчина... Зайдем за угол...» (А. Аверченко. Веселый вечер)* и активизировалось с уходом на периферию языка обращений типа *господин, сударь*. Что касается обращения *женщина*, то оно до революции использовалось крайне редко и только по отношению к женщинам из простонародья.

Отсутствие общепринятого обращения позволяет делать выводы не только о языке, но и о состоянии социума. Ср.: *Язык свидетельствует, что русские не знают, как обращаться друг к другу. «Товарищи» упразднены, «граждане» по глупости начальства превратились в нечто сомнительное, «господа», принятые с недавних пор в официальных бумагах, в живой речи практически не звучат. Обыватель (а он главная движущая сила истории, что бы ни*

думали президенты и мэры) титулует друг друга по половому признаку: «Эй, мужчина!» и «Эй, женщина!» Это страшно, потому что свидетельствует о национальной растерянности, о социальной наготе [11].

Современный культурный человек, не желающий обращаться к незнакомым людям «по половому признаку», заполняет лакуну формами извинения. Никаких тенденций заполнить лакуну политкорректными выражениями – идентичными (симметричными) к мужчинам и женщинам, не дискриминирующими по матримониальному признаку и т.п. – пока не наблюдается. Но уже то, что обращения *мужчина, женщина* отвергаются культурной средой и заменяются словами *Извините, Простите*, может быть расценено как движение в сторону политической корректности. Что касается знакомых людей, то в соответствии с правилами хорошего тона их надо как можно чаще называть по имени или по имени и отчеству. Ср.: *Истинно культурная речь отличается повышенной частотой обращения к собеседнику. таков был обычай аристократии <...> И вообще – давайте смелее и чаще обращаться друг к другу. Не прося извинения, как это делают вагонные попрошайки* (Вл. Новиков. Извините, что я к вам обращаюсь).

Таким образом, считаем, что даже в современной ситуации отсутствия общепринятого нейтрального обращения к незнакомому человеку, номинации, акцентирующие признак пола, справедливо считаются некорректными, а значит – не способствующими реализации фатической функции языка.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М., 2001.
2. Брусенская Л.А., Высоцкая И.В. Какому русскому языку нужно обучать студентов? // Вестник Академии. РГЭУ «РИНХ». – 2004. – № 1.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1997.
4. Жукова Е.А. Язык средств массовой информации: современное состояние // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты. Материалы Международной научной конференции. Вып. 1. – Ростов н/Д. : НМЦ «Логос», 2007. – С. 185-187.
5. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики : дис. ... докт. филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 302 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М. : ИНДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Нехаенко Ю.М. Гендерное символическое пространство: трансформация в условиях глобализма. – Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 140 с.

8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 6-е. – М., 1938. – 451 с.
9. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное 1988-1995 / редколлегия: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М. : Индрик, 2003. – 369-374 с.
10. Харченко В.К. О понятии «языковой позитив» // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 29 сент. – 1 окт. 2005 г. / под ред. Н.Ф. Алефиренко ; Федер. агентство по образованию, Упр. образования и науки администрации Белгород. обл., Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2005. – С. 52-55.
11. Панченко А. Папа Московский, или язык как диагност // Общая газета. – 1993. – 29 октября – 4 ноября.

Рецензенты

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной коммуникативистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной коммуникативистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.